

ЛЮБИМЫЙ АКТЕР

Театральная общественность республики отмечает 70-летие со дня рождения народного артиста СССР, лауреата государственных премий Глеба Павловича Глебова. В славном созвездии старейших мастеров белорусской советской сцены он был яркой звездой первой величины.

Тяжело произносить это печальное слово — был! Глубокая и острая боль тревожит сердце от сознания того, что его уже нет среди нас. Два года назад тяжелая болезнь унесла из жизни этого великолепного, всенародно любимого артиста, художника большого и светлого таланта.

Образы, созданные им на сцене академического театра имени Янки Купалы, восхищали подлинной народностью, большой жизненной правдой, глубоким проникновением в сущность человеческого характера с проявлением его в конкретных поступках и в конкретных действиях.

Глеб Павлович сыграл великое множество разнообразнейших ролей и в каждой из них всегда находил свежие, новые краски, сочетая в сценической жизни своих героев их типические черты и своеобразие индивидуальных особенностей. Трудно перечислить все его роли — их много, и все они были сыграны с большим вдохновением, блеском и мастерством.

Глебу Павловичу была доступна и драма, и комедия. Павел Немира в «Батьковщине» Кузьмы Чорного, Чугунов в «Волках и овцах» А. Островского, Гарпагон в «Скупом» Мольера, Мендозо в «Дуэнье» Шеридана, Пустаревич в «Павлинке» Янки Купалы, Кропля в «Константине Заслонове» А. Мовзона, Харкевич в «Гибели волка» Э. Самуilenка, Горошка в «Извините, пожалуйста» А. Макаенка, Туляга в «Кто смеется последним» К. Крапивы. О каждой из этих ролей

можно говорить как о шедеврах актерского реалистического искусства.

Играть роль — это не точно определяет своеобразие и самобытность творчества Глеба Павловича. Он не играл — он жил на сцене, жил жизнью своих героев, жил увлеченно, широко, психологически правдиво, весело и всегда с большим душевным подъемом.

Наделенный от природы богатейшей интуицией, драгоценным даром внутреннего перевоплощения и особым чутьем сразу схватывать главную суть, главную черту роли, он всегда удивлял нас своей работоспособностью, своим упорным стремлением к филигранной точности во внешней обрисовке своих героев, их пластической выразительности.

У него было высоко развито чувство ансамбля. Он никогда не позволял себе заниматься на сцене «само-

выявлением», «самоигранием», не стремился привлечь повышенное внимание зрителя к своей актерской особе. Это было чуждо ему.

Он всегда жил и действовал на сцене, только исходя из идейно-художественного замысла спектакля, его общей задачи и целенаправленности. Это необходимо было для важнейшего чувства ансамбля, чувство подчиненности общей цели всех творящих на сцене было высоко развито у Глеба Павловича и свято им соблюдалось.

Я всегда любил играть с ним. Он был очень тонким и мудрым партнером. Находиться вместе с ним на сцене было подлинным творческим наслаждением. Мы понимали друг друга в каждом, даже еле уловимом нюансе интонации, в тончайшем подтексте, взгляде, жесте, молчании, паузе, в каком-то дорогом и особенном слиянии, которое, может быть, и есть вдохновенность творческого процесса.

Играя много раз одну и ту же роль, Глеб Павлович не любил оставлять ее на каком-то уже раз достигнутом уровне. Он старался обогащать ее новыми деталями, новыми черточками,

наблюдениями. Всегда был в поиске, не успокаиваясь на достигнутом.

Каждый уже много раз сыгранный спектакль он играл как премьеру — с радостным подъемом, задором и свежестью чувств. А ведь это невероятно трудно, и не каждый это может.

Более шестисот раз мы сыграли с ним комедию Кондрата Крапивы «Кто смеется последним». Он — Туляга, я — Горлохвасткий.

Играли в разных городах и на разных сценических площадках. С чувством глубокой благодарности всегда вспоминаю эти большие и трудные, но всегда радостные шесть с лишним сотен. И вот почти в каждый спектакль Глебов — Туляга приносил какой-то незаметный, едва уловимый, только нам понятный новый нюанс. Я старался ответить тем же. И эти маленькие наши находки, наши секреты, взаимные сюрпризы грели душу и делали всегда желанной и радостной нашу совместную жизнь в каждом спектакле.

Я любил его глаза. Какое богатство мыслей и чувств, какие душевные сдвиги отражались в них. Разве можно забыть то испуганное, то доверчивое, то виновато-застенчивое, то полные тоски и отчаяния, грусти и смате-

ния, то полные лукавства и детской наивности глаза Туляги — Глебова! И эта удивительная выразительность его глаз во всех его замечательных ролях восхищала меня.

Во многих спектаклях, поставленных мной в нашем театре, Глеб Павлович был занят на ведущих ролях, и я навсегда благодарен ему, что моя режиссерская деятельность вызвала живой интерес с его стороны. Он очень помогал мне, мы работали в дружеском контакте и, мне кажется, как единомышленники во многих вопросах творческой жизни театра и пути его развития.

Во время Великой Отечественной войны Глеб Павлович был самым активным и неутомимым участником нашей художественной бригады, которая в течение двух месяцев лета 1943 года выступала со спектаклями и концертами перед войсками Калининского фронта. Мы выступили более ста раз. Глеб Павлович играл одну из своих лучших и труднейших ролей — Гарпагона в комедии «Скупой» Мольера. В любых условиях фронтовой обстановки он выходил на сцену по два раза в день с перерывом между спектаклями только в один час. Это требовало большого напря-

жения и душевных, и физических сил.

Глеб Павлович был любимцем нашего коллектива купаловцев. Мы его ласково звали Глебушкой. Был простым, скромным, отзывчивым товарищем, веселым, жизнерадостным человеком, обладал большим чувством юмора и ценил это качество в других. Всегда являлся неизменным участником всех наших театральных вечеров-капустников, в которых с почти детским увлечением, подлинным артистизмом выступал в пародиях, дружеских шаржах и забавных миниатюрах.

Глеб Павлович принадлежит к славной плеяде талантливых народных самородков, принесших добрую славу белорусскому советскому театру.

Сегодня ему было бы семьдесят лет. Но его нет среди нас.

Он щедро, самозабвенно отдал нашему народу весь жар своей души, всю прелесть и красоту своего таланта, весь пафос советского художника, гражданина. И народ отвечал ему своей большой и щедрой любовью, глубокой признательностью и уважением.

Леонид РАХЛЕНКО,
народный артист СССР.